

Владимир КУПРИЕНКО

выпускник БГПИ 1977 года,
член Союза писателей России

От редакции. Имеющий автобиографическую основу рассказ Владимира Куприенко – о таком хорошо известном каждому выпускнику педагогического вуза явлении, как летняя практика. Но, как это обычно и бывает у нашего автора, «светлое предчувствие» оборачивается для персонажа, «стабильного троечника и прогульщика» (так в присущей ему ироничной манере Владимир Алексеевич характеризует себя), жутковатой реальностью работы в детской спецшколе, с шокирующими подробностями жизни её обитателей – «шкварок». И всё-таки автобиографический герой и здесь остаётся самим собой: не теряет присутствия духа, избавляется от некоторых романтических иллюзий, находит нетривиальные, порой совсем не педагогические способы воздействия на самых «отможенных» малолетних преступников.

12 ноября у Владимира Алексеевича юбилейный день рождения. Редколлегия «Амура» от души поздравляет своего любимого автора и желает ему крепкого здоровья и новых творческих вершин! Ну а читателям нашего альманаха – новых встреч с произведениями *Купера* – весёлыми, порой шокирующими, приправленными смачной лексикой, но всегда захватывающе интересными.

ДАЛЕКО НЕ ПИОНЕРСКАЯ ПРАКТИКА

После окончания второго курса истфил традиционно разъехался на практику по пионерским лагерям. Это было полезное и радостное занятие: днём с детишками, а вечером... сами с собой. Все жили светлым предчувствием, а я день ото дня мрачнел: впереди маячила не сулящая ничего хорошего встреча с мэтром Обетковским. Я крайне редко посещал его лекции, так как они, как правило, были по расписанию первыми, а я отходил ко сну в три-четыре утра. Иногда Николай Александрович недоумённо спрашивал, обращаясь к старосте Игорю Дубовицкому: «Простите, а кто такой Куприенко?»

Так что сдать Обетковскому экзамен по истории СССР мне не светило. Дай Бог осенью, да и то – сомнительно. Но тут свершилось форменное чудо. Нас собрал декан факультета Аленишкин и объявил: детской специальной школе срочно (ну очень срочно!) требуется воспитатель, и если кто-то согласится, то завтра же необходимо выезжать, а сессия – автоматом, с гарантированной стипендией.

– Ну, что, – не очень уверенно, видимо, без особой надежды найти «добровольца», продолжал Геннадий Филиппович, – есть желающие?

Я отреагировал мгновенно, без раздумья, боясь, что кто-нибудь опередит. И назавтра уже катил в Юхтинскую спецшколу.

И скажу честно, сильно пожалел об этом. Если и не сразу, то потом, ближе к концу практики. Когда начальник колонии протянул мне характеристику с оценкой «отлично» и, пожав на прощание руку, предложил:

– Ты бы нам пригодился, парень. Подумай.

Я взял характеристику и ответил ему дерзостью:

– Если бы у меня, Николай Сергеевич, была возможность и автомат, я бы пристрелил вас и весь преподавательский состав колонии.

Туда привозили в общем-то нормальных детей. Детей улицы: хулиганов, мелких воришек, склонных к бродяжничеству. Словом, обычных пацанов, конечно, с каким-нибудь вывертом, но вполне здоровой психикой. А выходили оттуда исковерканные, изломанные, безжалостные – настоящие моральные уроды. Маленькие нелюди, способные на любую пакость – и большую, и маленькую. Садисты, готовые с азартом калечить, ломать окружающих – нормальных людей. Если я и преувеличиваю, то не очень сильно.

Меня определили в отряд «дембелей». Осенью эти ребята должны были возвратиться домой. Группа считалась благонадёжной. Они прошли все «закрома» и благоразумно затихли. Таких отпускают домой, но, как правило, ненадолго. Зона не отпускает надолго тех, кто на время притворился «исправившимся» и затих. Тихушники идут дальше – на «взросляк». И там уже матеруют. И часто становятся лидерами уголовного мира. Потому как у них богатый негативный опыт, полученный в детской спецшколе.

В первый же день ко мне подрулил «крикун» – председатель отряда – и отчеканил:

– Галкин. Крикун пятого отряда. Двадцать семь шкварок. Кончилась зубная паста.

Из всего сказанного я понял только про пасту. И с этой минуты стал составлять словарь детской «фени».

По простоте душевной и наивности я выдал Крикуну двадцать семь тюбиков пасты. Не придав значения тому, что она почему-то хранилась в сейфе. И почему-то в большом количестве. Я вытащил пасту, выдал и вернулся в свою каморку заполнить журнал. Так полагалось. Заполнил и прислушался. В спальне было тихо. Значит, шкварки (так маленькие зэки зовут друг друга) в умывальнике, чистят зубы. Я пошёл туда, но никого не увидел. Шкварки были в спальне. Они лежали на кроватях и выдавливали пасту из тюбиков в рот. Ловили кайф. Я потом специально попробовал. Цепляет, но совсем немного. Но пацаны настраивались на кайф и ловили его, как от «косяка» или пары «колёс» (таблеток).

Я сразу всё понял. Особенно то, что я конечный идиот. Обвели, как мальчика из подворотни. Я вышел из спальни, набрал ведро воды, вернулся и выплеснул её на Крикуна. Потому что ничего более подходящего не придумал. Выплеснул и пошёл сдаваться. К директору. Я всё честно рассказал ему и попросил отставки. Так и сказал:

– Прошу отставки, товарищ директор.

Он фыркнул, переломился в поясе и замычал. Директор не просто смеялся, он задыхался от душившего его приступа хохота. Минуты через две, не раньше, он резко выпрямился:

– Какая чепуха, сынок. Иди в отряд и никому больше не рассказывай этот комикс.

Когда я вернулся в спальню, у меня волосёнки встали дыбом. Крикун Галкин ходил от кровати к кровати и хлестал сокамерников солдатским ремнём. Я подошёл к нему и дал по ушам. А что мне ещё оставалось? Крикун повалился на пол и забылся в какой-то полудрёме...

А через неделю я повёл дембелей в поход. Двухдневный, с ночёвкой в палатках – это ведь здорово, да? Конечно, о чём речь. Только не для подневоль-

ных «шкварок». У них совершенно иные ценностные ориентиры, не как у нас. Им совсем не хочется ловить рыбу, варить уху и сидеть с гитарой у костра. Шкваркам нужен кураж. Втихую свалить, чтобы Папа (воспитатель) не заметил, добраться до посёлка, затариться в аптеке «колёсами», а в магазине – куревом и «шнапсом». И ночью оторваться по полной. Когда Папа уснёт. Но я не спал. Я был совершенно сопливым Папой с недельным опытом. Более того, в поход мы пошли с «довеском». Буквально за день до нашего отбытия в колонии появился новенький. Директор вызвал меня:

– Возьмите пацана с собой. Здесь его мигом на карачки поставят.

Что значит «на карачки», я уже знал. На взросляке это называется «петушить» или «опустить». Я спросил:

– А там, в палатке, его не поставят?

Директор внимательно посмотрел на меня:

– А там всё зависит от тебя. Заснёшь – поставят. Так что не спи.

И я не спал. Почти до утра. Но сломался-таки. Я провалился в сон, и шкварки сразу взялись за дело. Они вытащили новичка из спальника и начали пристраиваться сзади. Пацан перепугался и заорал благим матом. Я проснулся и увидел Крикуна. Он был уже в полной готовности. Я направил на него фонарь и отчеканил:

– Всем из палатки! Построиться!

«Дембели» ужасно перепугались, поняв, что их ожидает. Никакого дома, сидим дальше, только уже в настоящей «колочке». То, что я всё время называл колонией, на самом деле было спецшквой. Шкварки взвыли и ринулись на Крикуна, тот выскочил из палатки и ударился в бег.

– Догнать. Притащить сюда. Бросить в реку. Пусть остынет, – приказал я и присел, ощутив внутри страшную тяжесть. Моральную, душевную. Что делать? Как быть?

По уставу я должен сдать весь отряд. Со всеми вытекающими последствиями. Но на карачки новичка хотели поставить далеко не все – лишь Крикун и пара его шестёрок. Что делать? Промолчать? А если у Кормчего (кликуха директора) в нашем отряде имеется стукач, тогда как? Наверняка имеется.

Ко мне подошёл шкварка Васильев – маленький шкет, разукрашенный наколками. Особенно выделялись две. На правой стороне груди у него было выколото «ЛЕВ», на левой – «ЗИЛ». Когда я попросил расшифровать, Васильев (погоняло Окурок – из-за малого роста) приосанился, подтянул трусы:

– ЛЕВ – люблю её вечно. У меня маруха в иркутской спецухе. А ЗИЛ – за измену любви. Порозовела, сучка, изменила мне в спецухе...

– Вот так... Окурочок подошёл, когда Крикуна вытащили из ледяной воды совсем синего. Подошёл и тихо спросил:

– Всех окучите или как?

Он спросил и тоскливо шмыгнул носом. Окурочку очень хотелось домой. Всем хотелось, но Крикун всё испортил. Шкварки привязали его к берёзе и по очереди писали на этого гада, сломавшего им и без того стрёмную жизнь. А я должен был решить: что дальше? ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ, ГОСПОДИ?

– Как думаешь, – спросил я Окурочка, – Корм-чему (директору спецшколы) доложат?

Шкварка посопел в раздумье и ответил:

– Мамой клянусь, могила будет, тишина мёртвая. Нам же через две недели по домам.

Окурочок схватил мою руку и поцеловал её. Он понял, что я не сдам их.

Через полмесяца мы проводили «дембелей» по домам. Я пожал руку каждому. Кроме Крикуна – Галкина...

Так было.

Тамара СТАСЮКЕВИЧ

выпускница БГПИ,

доцент кафедры немецкого языка БГПУ

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ...

Вспоминаются годы, с которых начинался наш факультет. И люди, которым он был обязан своим появлением.

Коллектив первых преподавателей инфака формировался из выпускников престижных вузов Москвы, Ленинграда, Горького (ныне Нижний Новгород), Ярославля, Калинина (ныне Тверь), Новосибирска... Это было поколение энтузиастов – романтиков, не побоявшихся в трудные послевоенные годы отправиться на Дальний Восток, чтобы обучать будущих учителей иностранным языкам. А ещё они были настоящими эрудитами, знавшими несколько языков, имевшими обширный кругозор, переводившими на русский язык стихи и прозу зарубежных писателей.

Преподаватели немецкого и английского поначалу были объединены в одну кафедру иностранных языков при историко-филологическом факультете. Когда в 1960-м инфак стал отдельным факультетом, появились англо-немецкое и немецко-английское отделения и, соответственно, две кафедры. Факультет возглавил преподаватель немецкого языка Георгий Георгиевич Гардок, приехавший из Энгельса Саратовской области.

– Нам повезло учиться у лучших! Это было поколение высокообразованных интеллигентов, особый круг сподвижников, которых объединяла верность представлениям о чести, порядочности, справедливости, добре. Ида Альтман (Гриценко), Павел Хидешели, Нина Никольская, Виктор Карпов, Дина Лазарева, Тамара Токмакова, Ираида Кацаурова, Людмила Коротяева, Яков Генин, Нодари Адамия, Симон Элленберг, Павел Сушинов – все они предельно ответственно относились к любому делу. Разрабатывали лекционные курсы, вели семинарские занятия, составляли методические рекомендации для студентов, своих младших коллег и учителей. А ещё читали лекции для жителей города и области, проводили лектории для учителей и издавали сборник «В помощь школе».

И даже – готовили передачи для местного телевидения! Например, выпускник Петрозаводского пединститута В. Дудкин в 1964-1965 учебном году создал запомнившийся проект «Ромен Роллан и Бетховен». Передачи строились на сравнении литературы и музыки, произведения французского писателя объяснялись через их связь с музыкой Бетховена, изображённая у Роллана на-